

между ними. Открытие Америки, например, послужило началом нового этапа в истории населения самой Америки, европейских стран, а также Африки. Географическое открытие — новый этап исторического и этнографического развития народов. Такое значение имело открытие северо-западной части Америки русскими, осуществленное в конце XVIII в., когда возникла «Русская Америка». Но немалое значение имеет и факт начала заселения русскими Чукотского полуострова в середине XVII в., а это связано с историческим походом горстки смельчаков — служилых и промысловых людей во главе с Дежневым.

Р. Фишер подвергает критическому, объективному рассмотрению данные о походе Дежнева и его товарищей и во всеоружии фактов и стремления познать истину опровергает необъективные, тенденциозные выводы Ф. Голдера, вообще отрицательно отзываясь о его методах исследования. Поскольку статья называется «Семен Дежнев и профессор Голдер», мы сочтем себя вправе остановиться на методах работы Ф. Голдера в архивах. Как известно, этот американский историк опубликовал два выпуска путеводителя: «Documents on American History in Russian Archives» (1917 и 1927). Эти выпуски полезны в том отношении, что документы, показанные в них, действительно имеются в архивах, но в то же время они и дезориентируют исследователя: просматривая в советских архивах те же фонды, какие имелись в распоряжении и Ф. Голдера, мы могли убедиться в том, что выявление документов производилось им небрежно и потому недостаточно полно. Обратим внимание профессора Фишера на то, что последние документальные публикации и исследования дают новые подтверждения правильности его вывода о том, что Дежнев проплыл «Анианским» проливом¹⁴.

Широкие обобщения, особенно в плане оценки культур древних майя и инков, сопоставления их с культурами древнего Востока дает ряд статей, особенно в журнале «American Antiquity». Статьи в этом журнале заслуживают отдельного рассмотрения.

По вопросу об иммиграции в Америку и иммигрантах имеется ряд рецензий на книги, в которых освещаются вопросы об ассимиляции, о дискриминации и т. д.¹⁵

Особое внимание уделяется публикации источников, ценных и для этнографа, и для историка. Так, журнал «Hispanic American Historical Review» опубликовал — с комментариями Роберта Смита — интересный документ 1784 г. о принудительном труде индейцев на гватемальских плантациях индиго¹⁶; «Journal of Modern History» напечатал публикацию Франка Спенсера — написанное в 1762 г. донесение тайного английского агента в Роттердаме о немецкой эмиграции в Америку¹⁷, и т. д.

В целом можно сказать, что в исторических журналах освещаются актуальные, острые этнографические проблемы. А это обязывает и к изучению того нового материала, который дают эти журналы, и к борьбе против реакционных, прямо или замаскированно расистских, идеалистических концепций, которые зачастую в них проводятся.

А. В. Ефимов

О ПОСТАНОВКЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Съезд этнографов, археологов и антропологов в Нью-Йорке в 1952 г. был определенной вехой в развитии современной буржуазной этнографии. Как уже отмечалось в нашей печати¹, этот съезд показал то состояние идейного разброда, в котором оказалась эта наука в США. И это, конечно, не случайно. Пока краеведческое направление в этнографии, связанное с именем Ф. Боаса, было господствующим, можно было в какой-то мере говорить об известном идеологическом единстве в рядах американских этнографов. Положение изменилось в годы второй мировой войны и особенно в после-

¹⁴ «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сборник документов», Сост. Н. С. Орлова под ред. А. В. Ефимова, М., 1951; М. И. Белов, Семен Дежнев, Изд. 2-е, М.—Л., 1955; его же, Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в., М., 1956.

¹⁵ Упомянем некоторые из этих книг: Jan Graham, Colonists from Scotland, Ithaca, New York, 1956; Saloutos, They Remember America, Berkeley, 1956; Barbara Miller Salomon, Ancestors and Immigrants, Cambridge, Massachusetts, 1956; Oscar Handlin, Race and Nationality in American Life, Boston, 1957; Carl Wittke, German Language Press in America, Lexington, 1957; John Higham, Strangers in the Land, New Brunswick, 1955; William Petersen, Planned Migration. The Social Determinants of the Dutch-Canadian Movement, Berkeley and Los Angeles, 1955; Carl Wittke, The Irish in America, Baton Rouge, 1956, и др.

¹⁶ Robert S. Smith, Forced Labor in the Guatemalan Indigo Works, «Hispanic American Historical Review», т. XXXVI, № 3, август, 1956.

¹⁷ Frank Spencer, An Eighteenth-Century Account of German Emigration to the American Colonies, «Journal of Modern History», т. XXVI, № 1, март 1956.

¹ Ю. П. Аверкиева, Нью-Йоркский съезд этнографов, «Сов. этнография», 1955, № 4.

военный период. В это время привлечение большого отряда этнографов в военные, дипломатические и другие учреждения США чрезвычайно повысило служебное значение этнографии.

Активное вовлечение этнографов в политическую жизнь страны сопровождалось бурным развитием психологического направления в этнографии, вылившегося в психологическую разновидность расизма, который объявил народы мира неполноценными, нуждающимися в «руководстве» США. Эта идея американоцентризма была призвана подвести идеологическую базу под претензии американских монополистов на мировое господство после окончания второй мировой войны. Она захватила в свое время значительные слои американского населения и особенно интеллигенции. Этим объясняется господствующее положение психологического направления в первые годы послевоенного десятилетия. Хотя среди этнографов и были люди прогрессивные, демократически настроенные, но они в эти годы оказались в меньшинстве. Во взглядах и деятельности представителей психологического направления особенно ярко проявилась классовая сущность буржуазной этнографии, которая раньше некоторым представлялась наукой, стоящей вне классовых интересов, наукой для науки.

Моральный и политический крах, который потерпела идея американского «руководства миром», не мог не сказаться на состоянии умов американской интеллигенции и на взглядах американских этнографов. Уже съезд 1952 г. был знаменателен недвусмысленной реакцией ученых Азии и Европы на всякого рода психорасистские концепции, выдвигавшиеся в американской этнографии. На этом съезде выявилось также отрицательное отношение к этим концепциям и некоторых ученых США, доклады и выступления которых свидетельствовали о начале пересмотра ими старых концепций господствующей идеологии и поисков новых путей разрешения основных проблем этнографической науки. Все это свидетельствовало о начале кризиса теоретических установок, господствовавших в американской этнографии.

Пятилетний период после 1952 г. характеризуется дальнейшим развитием выявившихся на съезде тенденций. Об этом свидетельствуют вышедшие за последнее время этнографические работы. Весьма интересен в этом отношении «Этнографический ежегодник» 1955 г., подводящий известный итог развитию науки после съезда².

Материал «Ежегодника» разбит на 6 частей. В качестве первой, вводной части дана статья Гексли «Эволюция культурная и биологическая». Вторая часть — «Прошлое человека» — содержит статьи по вопросам палеоантропологии и археологии и две статьи по теоретическим вопросам этнографии (К. Фюрер-Хаймендорф — «История культуры и культурное развитие»; В. Копперс — «Диффузия: передача и усвоение»). Третья часть «Ежегодника» целиком состоит из статей, посвященных разбору теоретических вопросов и тенденций в современной буржуазной этнографии. В четвертой части, озаглавленной «Практическая деятельность», речь идет о так называемой прикладной этнографии. Здесь опубликованы статьи: Эвана Вогт «Антропология и общественное мнение»; Роберта Инверарити «Антропология и первобытное искусство»; Адамсона Хобель «Антропология и просвещение»; Ф. Ричардсона «Антропология и человеческие отношения в деловых и промышленных предприятиях»; Гордона Мак-Грегора «Антропология в правительственных учреждениях США». Последняя статья этой части — «Профессиональные антропологические объединения», принадлежащая Фридриху Джонсону, не связанная тематически с содержанием этой части, дает сведения о принципах, организации и деятельности различных специальных этнографических, антропологических и археологических объединений. Пятая часть содержит краткие обзоры развития этнографии в странах Европы и Юго-Западной Азии. Этнографии СССР посвящена статья И. И. Потехина и М. Г. Левина, перепечатанная из канадского журнала «Explorations» (1954, № 3). Наконец, в шестой части приведен большой справочный материал: сведения о докторских диссертациях по этнографии, археологии, антропологии и языкознанию, защищенных в 61 научном учреждении различных стран мира с 1870 по 1954 г.; описание медалей и призов, выдаваемых за выдающиеся заслуги в этнографии, антропологии и археологии. Далее следуют списки международных организаций этнографов, антропологов и археологов и этих же организаций в США (общенационального и местного значения).

В соответствии с американским пониманием антропологии как комплекса наук в «Ежегоднике» опубликована серия обзоров работ, вышедших из печати с 1952 по 1954 г. по важнейшим проблемам археологии, антропологии и этнографии. По заявлению составителей, целью этого сборника было показать современные достижения и тенденции в развитии упомянутых наук за пятилетие; помещенные в нем обзоры они оценивают как продолжение разработки материалов Нью-Йоркского съезда этнографов, опубликованных в сборнике «Anthropology today»³. Статьи, характеризующие постановку теоретических вопросов в современной буржуазной антропологии, этнографии и археологии, были, кроме того, изданы отдельной книгой⁴.

² «Yearbook of Anthropology», Wenner-Gren Foundation for anthropological Research, New York, 1955.

³ «Anthropology today», Chicago, 1953.

⁴ W. L. Thomas (ed.), Current anthropology; a supplement to «Anthropology today», Chicago, 1955. См. рецензию М. Ф. Нестурха и Ю. П. Аверкиевой в журнале «Новые книги за рубежом», серия В. Биология, 1957, № 6.

Остановимся на взглядах и концепциях, высказанных авторами отдельных статей, в той мере, в какой они позволяют судить об общих тенденциях в современной американской буржуазной этнографии, ибо в основном здесь речь идет об этнографической науке в США⁵. На проблемах, общих для буржуазной этнографии в целом, мы останавливаемся лишь постольку, поскольку они имеют значение в развитии науки США.

В США этнография по-прежнему рассматривается как часть общей науки о человеке — антропологии. Объяснению и обоснованию подобного понимания антропологии посвящена специальная статья С. Такса, который выступал и на съезде 1952 г. с определением этой науки. В этой статье, озаглавленной «Интеграция в антропологии», С. Такс кратко излагает историю комплексного понимания антропологии, указывая, что оно впервые было сформулировано в 1839 г. при организации Общества этнологии в Париже и подтверждено при создании Лондонского этнологического общества в 1843 г. Разделение на антропологов и этнологов, по мнению С. Такса, произошло в 1863 г. на политической основе: этнологи были противниками порабощения негров, антропологи же придерживались расистских взглядов и оправдывали рабство.

Разделение этих наук по сегодняшний день сохранилось в большинстве стран Европы, на Ближнем Востоке и в Японии. При этом под этнологией обычно имеется в виду этнография в нашем понимании. Термин «этнография» нередко употребляется для обозначения непосредственной полевой описательной работы этнографов. Обобщения же на основе описаний конкретных культур считаются предметом этнологии, которая часто называется также «культурной антропологией».

С. Такс отмечает, что комплексное понимание антропологии принято не только в США, но также в Англии и Ирландии, во всех английских доминионах и колониях, в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, в Голландии и Бельгии. Основной вывод его обзора сводится к тому, что, хотя комплексное понимание антропологии в американском смысле принимается не всюду, однако происходит рост интеграции науки, наряду с растущим разделением труда и специализацией антропологов в различных областях этой комплексной науки о человеке.

* * *

Если говорить об известных положительных сдвигах в современной буржуазной этнографии, то необходимо прежде всего отметить отход от статических, механистических описаний конкретных культур и психологических их объяснений и постепенное проникновение в этнографические исследования исторического подхода. Применительно к американской этнографии это отмечалось уже в рецензии на работу по истории культуры стенных индейских племен⁶. Исторический подход к изучению родового строя, несомненно, виден во многих вышедших за последнее время исследованиях, посвященных вопросам аккультурации, системам и терминологиям родства у индейских племен Северной Америки⁷, а также при изучении форм собственности на землю у охотничьих племен Американского Севера⁸. Этим, в частности, объясняется все большее использование этнографами археологических и архивных материалов.

О проникновении историзма в этнографию говорится в опубликованной в «Ежегоднике» статье Фюрер-Хаймендорфа «История культуры и культурное развитие». Автор отмечает, что интерес к общим проблемам истории культуры является особенностью этнографических исследований в странах континентальной Европы. Поэтому анализ трудов европейских ученых занимает главное место в его очерке.

Фюрер-Хаймендорф указывает на возросшую взаимосвязь между археологией и этнографией, он считает, что характерной чертой сотрудничества этих двух наук на современном этапе является отход от проблем межконтинентальных параллелей к интерпретации материала ограниченных районов. В то же время он пишет, что и археологи, и этнографы стали более осторожны в интерпретации археологических культур на основе этнографических аналогий. Большинство ученых не разделяет теперь господствовавшего в начале XX в. взгляда, будто изучение современных остальных племен собирателей и охотников дает точную картину социальной и духовной жизни человека палеолита.

На основе анализа вышедших в 1952—1954 гг. работ Фюрер-Хаймендорф констатирует определенный рост интереса этнографов Европы и Америки к истории развития культуры различных народов и племен, к вопросам последовательности и причинности изменений культуры, закономерности общественного развития. Он ссылается в свя-

⁵ Из европейских ученых к участию в «Ежегоднике» привлечены только С. Гексли, Р. Фэрс, В. Копперс и К. Фюрер-Хаймендорф.

⁶ См. нашу рецензию на книгу: E. Wallace and Ad. Hoebel, *The Comanches; lords of the South Plains*, «Сов. этнография», 1957, № 6.

⁷ См. F. E. G. g a n (ed.), *Social Anthropology of North American Tribes*, Chicago, 1955.

⁸ См. работы: E. Leacock, *Matrilocality in a simple hunting economy*, «South-western Journal of anthropology», vol. 11, № 1, 1955; е е т о ж е, *The Montagnais «hunting territory» and the fur trade*, «American Anthropological Association memoirs», № 78, Menasha, 1954.

зи с этим на статью американского ученого А. Лессера «Эволюция в социальной антропологии»⁹, в которой тот призывает этнографов к изучению истории развития и последовательности культурных изменений и указывает на пагубное последствие критики эволюционизма, приведшей к полному отрицанию и даже запрету разработки этих проблем в этнографии.

Советские этнографы уже неоднократно отмечали в своих работах, что «критика эволюционизма» буржуазными учеными является по существу формой борьбы с историческим материализмом. Эволюционисты XIX в., как известно, близко подошли к пониманию законов поступательного развития общества, научное обоснование которого было впервые сформулировано основоположниками исторического материализма. Поэтому-то эволюционная школа была отвергнута официальной буржуазной наукой. В борьбе с ней сложились новые школы в этнографии: культурно-историческая школа Гребнера-Шмидта в Германии, американская школа исторической антропологии и функциональная школа в Англии. Общим для всех этих школ было отрицание поступательного хода истории, полный антиисторизм в объяснении культуры народов мира. Но за последние годы наблюдается некоторый пересмотр теоретических позиций этих школ, что и отмечено в обзоре Фюрер-Хаймендорфа.

В настоящее время преемницей культурно-исторической школы является так называемая Венская школа (Копперс, Шебеста, Гейне-Гельдерн, Гекель). В статье Фюрер-Хаймендорфа дается анализ работ и выступлений представителей этой школы. Он отмечает некоторый отход их от позиций культурно-исторической школы. Большинство из них, по его мнению, уже отказалось от теории культурных кругов и высказывается за изучение и объяснение развития конкретных обществ и культур. Они ставят под сомнение первобытность целого ряда племен охотников и собирателей (огнеземельцев, андаманцев, аэта, семангов и др.), причисленных, как известно, В. Шмидтом к так называемым *Altvölker*, для которых он сконструировал своеобразную *Urkultur*, приписав ей в качестве характерных черт частную собственность, моногамию и единобожие и пытаясь тем самым обосновать изначальность эксплуатации и классового общества. Однако представители Венской школы еще не выступили с последовательным опровержением этих антинаучных построений. В «Ежегоднике» опубликована статья В. Копперса, в которой он отмечает, что Венская школа во многом отошла от взглядов представителей культурно-исторической школы, в частности отказалась от учения о культурных кругах. Но из его статьи совершенно очевидно, что несмотря на критику теории культурных кругов и признание, хотя и весьма робкое, самостоятельного развития народов, в работах сторонников этой школы чрезвычайно большое место все еще отводится заимствованиям и диффузии. Примером этого служит анализируемая в статье Фюрер-Хаймендорфа современная постановка вопроса о тихоокеанских связях между Южной Америкой и Азией, в частности в работе Гейне-Гельдерна об азиатском происхождении американской металлургии.

Анализируя работы английских этнографов И. Шапера, Е. Лича, Е. Мейерович, Фюрер-Хаймендорф отмечает наличие в них определенного отхода от позиций полного антиисторизма функциональной школы к рассмотрению изучаемых институтов в их историческом развитии.

Функциональная школа, как известно, на протяжении последних 25 лет была одной из модных и довольно распространенных школ в английской и отчасти в американской этнографии¹⁰. Ее установки проникли в буржуазную социологию и историю как один из методов борьбы с историческим материализмом.

Характерные черты функционализма — полный отказ от исторического подхода к изучению общественных институтов и биологизация человеческого общества. Функционалисты подменяют изучение истории развития общества и его институтов рассуждениями об обществе как сумме индивидов, находящихся между собой в функциональных взаимосвязях. Общественные институты (главная тема их работ) описываются как постоянные системы — в том виде, в каком наблюдали их сами исследователи. Понятие причинности подменяется формальными выражениями функциональной зависимости и неизменного равновесия между величинами.

В отличие от этих основных положений функционализма Шапера и Лич высказываются за необходимость изучения предшествующей истории народа для объяснения наблюдаемых у него теперь социальных отношений. Но, как отмечает Фюрер-Хаймендорф, учитываемая ими история не идет далеко в глубь времени, а ограничивается сравнительно недавним прошлым. Например, в работе Шапера, посвященной племенам цвана в Южной Африке (1952), говорится о необходимости знания истории племен для понимания существующих у цвана социальных отношений, но исторический период, интересующий автора, ограничивается одним-двумя столетиями. Точно так же в работе Лича (1954) для объяснения политических систем горной Бирмы учитываются события лишь последних 150 лет.

⁹ A. Lesser, *Evolution in Social anthropology*, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 8, Albuquerque, 1952.

¹⁰ См.: Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин, *Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма*, Сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XII, М., 1951.

Тем не менее функциональная школа еще имеет в Англии своих верных защитников. Об этом свидетельствует опубликованная в «Ежегоднике» статья «Функция». Автор ее Г. Фэрс — виднейший представитель этой школы после смерти Б. Малиновского и А. Г. Радклифа-Брауна. Анализ формулировок, касающихся понятия «функции», предлагавшихся за последние годы, приводит Фэрса к выводу, что до сих пор нет четкого определения этого понятия. Вместе с тем он отмечает, что за последнее время термин «функция» в этнографической литературе встречается все реже и реже и почти прекратились теоретические дискуссии о содержании самого понятия «функции». Фэрс, вопреки фактам, видит причины этого не в кризисе функциональной школы, а, наоборот, в якобы глубоком проникновении функционализма в науку. С этих позиций он анализирует целый ряд этнографических и социологических работ, посвященных главным образом изучению общественных институтов, стремясь показать, что, несмотря на отсутствие в них термина «функция», функционализм является их теоретической основой. Подобный вывод является по меньшей мере неудачной попыткой спасти функционализм, ибо проникновение историзма в науку знаменует собою несомненный кризис функциональной школы.

Антиисторический характер носило и уже упоминавшееся этно-психологическое направление в американской этнографии, именуемое в США культурно-персоналистскими исследованиями (culture and personality studies). В нашей печати уже не раз говорилось об этом направлении и отмечались как период его наибольшего влияния¹¹, так и начало спада¹². Влияние его объяснялось не только одержимостью многих ученых идеей американоцентризма, но и боязнью историзма, на путь которого толкал американских этнографов собранный ими большой фактический материал. Весьма характерное объяснение притягательности этно-психологии дает Кробер: «Как человек, стоящий в стороне от этого направления, я всегда чувствовал, что привлекательность его отчасти обязана надежде, что теперь мы сможем объяснить культуру вне ее исторического контекста»¹³. Однако эти надежды, разумеется, не оправдались. От рассуждений и теорий сторонников американской этно-психологии веяло таким реакционным психорасизмом, что от нее отшатнулись все честные ученые. Если на съезде 1952 г. позиции виднейших этнографов США — А. Кробера и Р. Лоуи — еще не были четко определены, то за последние годы эти ученые определенно высказались против психорасизма. В опубликованном в «Ежегоднике» очерке «История этнографической мысли», характеризующем современное состояние этнографии в США, Кробер прямо пишет, что культурно-персоналистские исследования чужды этнографии и не имеют корней в этой науке. Еще более решительно он высказался в 1956 г., заявив, что эти исследования в США вышли из моды, и назвав время увлечения ими «периодом охоты за ведьмами»¹⁴. Совершенно определенно выступил против расистской этно-психологии Лоуи. Возражая против попыток объяснять явления культуры психикой индивида, он писал, что со времени опубликования Марксом и Энгельсом критики философских взглядов Льюдвига Фейербаха «кристально ясна» мысль, что психика индивида определяется социальной средой, а не наоборот¹⁵.

Нельзя не отметить также решительное выступление против этно-психологического направления одного из видных этнографов США Юлиана Стюарда в его последнем теоретическом труде «Теория культурного изменения», в котором он подчеркивает, что личность формируется культурой, а не наоборот¹⁶.

Однако это не значит, что так называемые «психо-культурные» исследования типа «культура и личность», «национальные характеры» и т. д. полностью отставлены. Непопулярность их несомненна как следствие краха идеи американского «руководства миром», но адепты этого направления продолжают свою деятельность, маскируя ее темой по аккультурации, по вопросу о «ценности», детерминантах культуры и т. д.

По мере отхода американской буржуазной этнографии от расистской этно-психологии наблюдается сближение ее с социологией. Не все ученые оценивают это сближение положительно. Так, Кробер высказал весьма критическое отношение к этому явлению. Авторы же помещенной в «Ежегоднике» статьи «К единению социологии и антропологии» Джон Беннет и Курц Вульф приветствуют сотрудничество социологов и этнографов. Реальную основу этого сотрудничества они видят в отрицании обеими науками общей закономерности в развитии общества, выступая, таким образом, в защиту реакционных, антиисторических установок, господствующих еще в обеих науках. Такое сближение социологии и этнографии имеет целью усилить борьбу со всем прогрессивным, что вносит в науку об обществе исторический материализм.

¹¹ См. статьи С. П. Толстова, И. И. Потехина и Н. А. Бутинова в указанном выше сборнике «Англо-американская этнография на службе империализма».

¹² Ю. Аверкиева, Нью-Йоркский съезд этнографов, «Сов. этнография», 1955, № 4.

¹³ A. Kroeber, The place of F. Boas in Anthropology, «American Anthropology», vol. 58, N 1, Menasha, 1956, стр. 155.

¹⁴ Там же.

¹⁵ R. Lowie, Reminiscences of anthropological currents in America half a century ago, «American Anthropologist», 1956, vol. 58, N 6, стр. 1010.

¹⁶ J. Steward, Theory of culture Change, Urbana, 1955, стр. 7.

* * *

Вопрос об общих закономерностях развития общества, как и вопрос о его прогрессе, все чаще поднимается за последнее время в работах американских этнографов¹⁷. В связи с этим поднят из архива термин «эволюционизм», но в форме «неоэволюционизма», иначе называемого «многолинейной эволюцией».

Как известно, представители американской исторической школы в этнографии долгое время совершенно отвергали идею прогресса, развитую в трудах классиков марксизма, показавших, что в истории человечества совершается восхождение от низших общественных форм к высшим. Выступив против этого учения под знаком борьбы с эволюционизмом, вместе с понятием эволюции они отбросили слово прогресс. Но для того, чтобы как-то объяснить общественные перемены, был введен в обиход термин «социальные изменения». Американские этнографы признавали изменения в социальной жизни, но в каком направлении происходят эти изменения, по их мнению, сказать нельзя. Правда, многие из них усматривают известную «регулярность» в этих изменениях, но отнюдь не их закономерность. Некоторые из американских этнографов (Дж. Мэрдок, Ф. Эгган) начали робко высказывать мысль о возможности предвидения смены общественных форм¹⁸. Есть этнографы, признающие закономерность и поступательный ход развития отдельных культур и ищущие причинного объяснения этого развития. Интересна в этом отношении работа Бетти Меггерс «Ограничивающее влияние среды на развитие культуры», где она на примере истории майя пытается доказать, что продуктивность естественной среды является пределом, которого может достигнуть в своем развитии культура в данных природных условиях. «Естественная среда,— писала она,— не является причиной культурной эволюции, но ограничивающее влияние естественной среды на культуру устанавливает предел самобытной культурной эволюции»¹⁹. Хотя в первых же строках своей работы Б. Меггерс предупреждает против географического детерминизма, но фактически она остается на его позициях. Это особенно ясно из следующего положения, высказанного ею в 1957 г. в ответе своим критикам. «Разница в плодородии почвы, в климате и других элементах (естественной среды.— Ю. А.) определяет продуктивность земледелия, которое в свою очередь регулирует численность и степень концентрации населения и через это влияет на социально-политическое и даже технологическое развитие общества»²⁰. Эти положения Меггерс сближают ее теоретические позиции с известным «законом убывающего плодородия почвы», выдвинутым представителями классической буржуазной экономики — Вестом, Мальтусом, Рикардо, которые считали его одним из важнейших законов истории цивилизации.

Классики марксизма подвергли этот «закон» уничтожающей критике. Ленин характеризовал его как «бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил». Он писал далее, что этот «закон» «имеет лишь относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной», когда «состояние техники ставит очень узкие сравнительно пределы добавочным вложениям труда и капитала»²¹. Несомненно, что у майя имела место застойность техники, и в данном конкретном случае теория Б. Меггерс условно применима. Однако возведение этого положения во всеобщий закон заключает в себе те же ошибки, что и «закон убывающего плодородия почвы» в работах буржуазных экономистов, подчинявших развитие общества естественным законам природной среды.

Как показали классики марксизма, плодородие почвы определяется естественными и историческими причинами: наряду с природными условиями решающее значение имеет уровень развития производства данного общества в условиях данной естественной среды. Возможности развития общества определяются, следовательно, не природной средой, а степенью господства человека над природой.

С теоретическими позициями Б. Меггерс сближаются экологические объяснения развития культуры различных племен и народов, выдвигаемые Ю. Стюардом и другими.

* * *

Идея всеобщего прогресса человеческого общества противостоит, как известно, теории релятивизма, которая до сих пор имеет большое влияние в американской этнографии, хотя здесь имеются также и критические выступления против нее. Особого внимания заслуживает фундаментальный труд американского же этнографа Д. Биднея

¹⁷ Интересны в этом отношении работы: R. Redfield, *The primitive world and its transitions*, New York, 1953; H. Shapiro, *Aspects of Culture*, New Brunswick, 1957.

¹⁸ F. Eggan (ed.), Указ. сборник, стр. 493; G. Murdock, *Social Structure*, New York, 1949, стр. 250.

¹⁹ B. Meggers, *Environmental limitations on the development of Culture*, «American Anthropologist», vol. 56, № 5, 1954, стр. 821.

²⁰ B. Meggers, *Environmental limitations of Maya Culture: a reply to Coe*, «American Anthropologist», vol. 59, N 5, 1957, стр. 888.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 93—94.

«Теоретическая антропология»²², в котором дан обзор теоретических позиций ведущих этнографов так называемого западного мира. Релятивизм Бидней справедливо характеризует как полный нигилизм в вопросах истории общества, считая виднейшим представителем его Херсковича.

Очень важно выступление Д. Бидней в этой же работе против широко принятого в американской этнографии разграничения между историей и наукой, сформулированного в свое время Кробером, который определил историю как изучение и описание конкретных культур, а науку — как изучение процессов, происходящих в культуре²³. (В этом именно смысле американская этнографическая школа носит название «исторической».)

Это искусственное деление единой исторической науки на две самостоятельные науки нашло свое место в последних теоретических выступлениях Р. Редфильда, С. Такса, Ф. Эггана²⁴, Ю. Стюарда²⁵, в трудах Л. Уайта²⁶.

Бидней, определив историю как «описание и объяснение людьми любого естественного происходящего процесса или последовательности во времени», справедливо отмечает, что процессы и формы неотделимы, нельзя совершенно произвольно отводить изучение форм — истории, а процессов — науке²⁷.

Что касается отношения американских этнографов к идее прогресса, то, по мнению Кробера, эта идея сейчас уже не вызывает больше сомнений, вопрос идет лишь об определении содержания и направления прогресса. Однако в этом-то и заключается суть вопроса. Сам Кробер, например, совершенно непонятным образом считает возможным, признавая прогресс, оставаться последовательным релятивистом. Как же американские ученые понимают прогресс?

Совещание советских и американских этнографов — делегатов V международного конгресса антропологов и этнографов в Филадельфии — ясно показало, что принятие идеи прогресса буржуазными этнографами носит пока весьма относительный характер. Об этом свидетельствовали сомнения в неизбежности прогресса (Форте), всеобщности прогресса (Фэрс, Такс), в признании прогресса лишь в области технологии. Херскович, туманно определив прогресс как изменения от одной ценности к другой в пределах данной культуры, подчеркнул еще раз, что релятивизм несовместим с идеей всеобщего прогресса. Он высказал довольно распространенную среди американских этнографов мысль, что идея прогресса есть порождение западной цивилизации. Наиболее заслуживающим внимания является определение прогресса, с которым выступил на этом совещании Кробер. «Прогресс, — по его мнению, — предполагает движение вперед, к лучшему. Изменения же происходят во всем по истечении некоторого времени, но прогресс более спорен. Он означает оценку изменений с одной определенной точки зрения, поэтому он этноцентричен. Прогресс предполагает ценности, изменения же их не предполагают — просто что-то становится иным»²⁸.

Кробер противопоставляет прогресс процессу изменений, потому что прогресс требует критерия суждения, а процесс изменений якобы не требует оценки, прогрессивен он или нет. Он считает, что признание изменений носит более объективный характер, чем признание прогресса. В действительности же признание только изменений во времени означает полное отрицание поступательного хода развития от низших форм к высшим. Марксистская диалектика показала, что в природе и в человеческом обществе развитие есть прогрессивный переход количественных изменений в новое качество, что поступательное движение человеческого общества, представляет собою естественно-исторический процесс.

Спорность прогресса Кробер видит в необходимости его оценки, которая якобы всегда будет этноцентрична, т. е. в ней всегда якобы будет высказываться точка зрения представителя западной цивилизации. В этом сомнении сказываются релятивистские позиции Кробера. Он не допускает объективного критерия для распознавания прогрессивного и реакционного в развитии общества. Однако этот критерий был определен, и определен впервые, теорией исторического материализма. Марксизм видит главное содержание прогресса в росте господства человека над природой, что предполагает рост общественных производительных сил, рост человеческой сознательности и возможностей развития творческих сил народа. Общественный строй прогрессивен тогда, когда он дает простор развитию производительных сил, реакционен — когда общественные отношения препятствуют развитию производительных сил.

Некоторые американские этнографы допускают прогресс в области технологии.

²² D. Bidney, *Theoretical anthropology*, New York, 1953.

²³ A. Kroeber, *History and Science in Anthropology*, «American Anthropologist», vol. 37, 1935, стр. 539—560.

²⁴ См., например, их статьи в сборнике «Social anthropology of North American Tribes».

²⁵ J. Steward, Указ. работа.

²⁶ Критика теоретических позиций последнего была дана в статье М. Г. Левина «История, эволюция, диффузия», в которой отмечается, что Уайт исходит из методологически порочной установки, когда отрывает эволюционный процесс от исторического процесса («Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 229).

²⁷ D. Bidney, Указ. работа, стр. 163.

²⁸ «Minutes of a discussion on progress and on values of the fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Science» Philadelphia, 1956.

Но это значит, что они учитывают лишь одну сторону в развитии общества — совершенствование орудий труда — и упускают из виду людей, которые совершенствуют эти орудия и стоят в определенных отношениях к этим орудиям и друг к другу. Вместе с развитием технологии растет производительность человеческого труда, изменяются производственные отношения людей. В первобытном обществе совершенствование ручных орудий труда делало индивидуальный труд все более и более производительным, что вело к нарушению коллективизма в труде. Вслед за индивидуализацией труда шла индивидуализация присвоения, личная собственность становилась постепенно частной собственностью, которая явилась могильщиком первобытно-общинного строя.

Был ли переход от этого строя к классовому обществу прогрессивным? Несомненно. Но американские этнографы ответят на это, что оценка зависит от точки зрения. Конечно, для большинства членов общества этот переход вызвал ухудшение их положения, появилась эксплуатация рабов и свободных общинников, отсюда мифы о «золотом веке» первобытного состояния. Но с точки зрения развития культуры человечества, роста господства человека над природой нельзя отрицать прогрессивный характер, например, античного общества по сравнению с предшествующим ему первобытно-общинным строем.

Отмечая противоречивый характер развития общества с антагонистическими классами, Энгельс писал: «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства»²⁹. На протяжении всей истории этого общества каждая новая ступень в развитии общества несла лишь новые способы эксплуатации и унижения большинства его членов. Но рост производительных сил на всем протяжении истории человеческого общества и особенно в эпоху капитализма создал условия для освобождения людей от всякой эксплуатации и угнетения, для создания общества, в котором плоды поступательного развития человечества становятся общим благом.

Таков смысл прогрессивного развития всех народов земного шара. В такой оценке прогресса нет ничего этноцентрического. Она отнюдь не предполагает, что история идет прямым путем. «История, — учит Ленин, — идет зигзагами и кружными путями»³⁰. Не исключается своеобразие путей прогрессивного развития каждого народа: например, некапиталистический путь развития целого ряда народов СССР — реальный факт.

В материалах XX съезда КПСС говорится о возможности разнообразия путей перехода различных стран от капитализма к социализму. Эта же идея была еще раз подчеркнута в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Москве 14—16 ноября 1957 г. Где же тут «этноцентризм» или односторонность оценки прогрессивного развития народов, на основании которых американские этнографы пытаются отвергнуть учение о прогрессе?

Марксистско-ленинское учение о прогрессе имеет огромное значение в жизни современного мира, независимо от того, признают его или отвергают буржуазные идеологи, идеи марксизма-ленинизма приобретают все большую притягательную силу среди широких слоев населения земного шара.

Известный переход некоторых из буржуазных ученых к историзму и признание наряду с ним в какой-то мере прогресса не всегда заключают в себе прогрессивные элементы. Есть историзм, основанный на диалектическом материализме, и историзм идеалистический. В работах буржуазных этнографов очень часто причины исторического развития народа трактуются с позиций субъективного идеализма. В этой связи в американской этнографии большое внимание уделяется понятию «ценности», введенному в научный обиход лет 10 назад. Как мы видели выше, Кробер считает «ценности» необходимым критерием суждения о прогрессе. Главным теоретиком в этом вопросе сейчас, после смерти Ральфа Линтона, считается Клайд Клюкхон — глава психо-расистского направления.

Из упоминавшегося уже очерка «История этнографической мысли» Кробера очевидно, что, несмотря на 10-летний срок обсуждения понятия «ценности», четкое определение его никак не удается его теоретикам. «Ценность» остается все той же аморфной логической конструкцией, призванной подменить материалистическое понимание причинности в развитии общества.

* * *

Большое внимание на страницах этнографических работ США уделяется за последние 5—6 лет вопросу о возврате к сравнительному методу. В феврале 1953 г. в Чикаго состоялось специальное совещание, посвященное этому вопросу, результаты которого были опубликованы в «*American Anthropologist*» (т. 55, № 3, 1953). В 1954 г. была опубликована статья Аккеркнехта «О сравнительном методе и антропологии»³¹; автор призывал американских этнографов вернуться к сравнительному методу исследований,

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 308.

³⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 137.

³¹ E. N. Ackerknecht, On the comparative method in anthropology, сборник «*Method and perspective in Anthropology*», Minnesota, 1954.

связывая его с историческим подходом к изучению явлений и называя этот возврат частичным возрождением учения Моргана. Суммарный обзор работ, вышедших за последние пять лет и посвященных этому вопросу, дается в статье О. Льюиса «Сравнения в этнографии», опубликованной в «Этнографическом ежегоднике». Приводимая им библиография свидетельствует о том, что все большее и большее число американских этнографов выступает за возврат к сравнительному методу исследований, оставленному как следствие отказа от всего, что связано было с эволюционизмом и с именем Л. Моргана. О. Льюис дает интересный обзор литературы и различных точек зрения по вопросу использования сравнительного метода в этнографии.

* * *

На протяжении уже двух десятилетий американские этнографы уделяют большое внимание изучению процессов аккультурации, вернее ассимиляции, различных индейских племен и иммигрантских групп в США. Остановившись на итогах этих исследований, Кробер высказал сомнение в их целесообразности. Он пишет, что аккультурация — это по существу ассимиляция. Процесс же ассимиляции одинаков в отношении как аборигенов, так и иммигрантских национальных меньшинств и сводится к вливанию тех и других в ряды сельскохозяйственного или городского пролетариата. По мнению Кробера, изучение этого процесса вряд ли может в какой-то степени обогатить теорию. Нельзя не отметить сугубо упрощенческий подход Кробера к проблемам ассимиляции. Возможно, что отрицательное отношение его вызвано работами по аккультурации, вышедшими из-под пера психо-расистов, такими, как книга Спиндлера «Социокультурные и психологические процессы в аккультурации меномини»³² или статья Фриделя о культуре и личности чиппевеев³³. Подобные работы полны психо-расистской клеветы на индейские народы — ими нельзя не возмущаться. Но нельзя игнорировать того, что в процессе ассимиляции создаются своеобразные национальные формы культуры угнетаемого народа, в свою очередь влияющие на культуру господствующей нации. Эти процессы несомненно заслуживают внимания этнографов. И это убедительно показывают работы У. Ньюкомба, Ф. Воге, А. Уолласа и др., появляющиеся за последние годы на страницах этнографических публикаций США³⁴. В этих работах поднимаются актуальные вопросы развития различных форм национального индейского движения, направленного против угнетения и насильственной ассимиляции, вопросы формирования в этой борьбе элементов своеобразной индейской культуры. Они свидетельствуют о пробуждении индейских народов Америки от страшного сна колониального угнетения и рабства и ставят вопрос о дальнейших судьбах индеанистского движения.

* * *

О широком интересе американских этнографов к изучению классовых обществ древних и современных народов свидетельствует опубликованная в «Этнографическом ежегоднике» статья Д. Мандельбаума «Изучение сложных цивилизаций». Мандельбаум отмечает несколько причин возникновения этого направления в современной этнографии США: 1) постепенное исчезновение так называемых примитивных обществ; 2) стремление этнографов проверить свои представления и методы, разработанные на материале отсталых народов, путем изучения культуры народов, имеющих документированную историю; 3) необходимость лучшего взаимопонимания между народами, выдвинутая двумя мировыми войнами. Очевидно, Мандельбаум не присоединяется к позициям М. Мид, объясняющей свои исследования «национальных характеров» современных европейских народов военными нуждами правительства США³⁵.

Мандельбаум различает четыре линии этих исследований классовых обществ.

1. Сравнительное изучение цивилизации вообще, выраженное в работах Кробера, проявляющего интерес к этим вопросам с 1919 г.; некоторые из них — «Описание цивилизаций» (1953), «Древняя эйкумена как историко-культурное целое» (1952) и др. — посвящены теоретическим проблемам и методам сравнительного изучения классового общества.

2. Изучение отдельных народов на расстоянии. Эту линию исследований Мандельбаум характеризует книгой Р. Бенедикт «Хризантема и меч» и работами М. Мид и ее коллег по Институту изучения современных культур. Мандельбаум указывает на спра-

³² D. Spindler, Socio-cultural and psychological processes in Menominy acculturation, University of California Publications in Culture and Society, vol. 5, 1955.

³³ E. Friedel, Persistence in Chippewa culture, «American Anthropologist», vol. 58, № 5, 1956.

³⁴ W. Newcomb, The culture and acculturation of the Delaware Indians, Anthropological papers, Museum of Anthropology, University of Michigan, N 10, Ann. Arbor, 1956. (См. рецензию И. А. Золотаревской в «Сов. этнографии», 1958, № 1); его же, A note on Cherokee Delaware pan Indianism, «American Anthropologist», vol. 57, N 5, 1955. См. также статьи: F. Voget, The American Indian in transition и A. Wallace, Revitalization movement, «American Anthropologist», vol. 58, N 2, 1956.

³⁵ M. Mead, National character, «Anthropology today», Chicago, 1953.

ведливую критику книги Бенедикт в Японии и США. Он объясняет появление этой книги задачами, возникшими в связи с оккупацией Японии американскими войсками. Мандельбаум отмечает также критику американскими учеными работ Мид и ее коллег, в которой указывается на антиисторизм этих исследований, на ошибочность подхода к культуре данного народа как постоянной величине, изолированной от внешнего мира. Сам он справедливо критикует методологические положения Мид, высказанные ею в специальном руководстве по изучению культур на расстоянии³⁶. Основное возражение Мандельбаума направлено против постулата Мид, что первобытные общества стабильны и являются лучшей лабораторией для разработки теорий и методов этнографической науки. По мнению Мид, эти теории и методы абсолютно применимы для изучения современных культурных народов. В основе этих взглядов Мид и ее коллег лежит реакционная идея, что современное капиталистическое общество отличается от первобытного лишь количественно, но не качественно. Этот постулат неразрывно связан с отрицанием прогресса и признанием лишь изменений в обществе. Мандельбаум справедливо подчеркивает необходимость пересмотра и модификации методов этнографического изучения первобытности при изучении современного классового общества.

3. Эта же порочная теория положена в основу работ Уорнера и его коллег по изучению современных городов США. Мандельбаум характеризует эти работы как третью линию исследований современного общества, когда этнограф изучает жизнь своего народа. Но реакционность положений Уорнера не ограничивается только этим антинаучным постулатом. В своих описаниях жизни людей американского города Уорнер замалчивает классовую борьбу внутри американского общества. Он пытается доказать правомерность социальных различий между людьми, объясняя их расовыми, национальными и другими причинами биологического порядка, становясь апологетом превосходства буржуа-янки, стоящего якобы выше всех других национальных групп США. Мандельбаум отмечает, что со времени выхода в свет первого тома серии «Янки Сити» (Yankee city series 1941)³⁷, написанной Уорнером в соавторстве с Люнтом, приемы и концепции Уорнера подвергались многочисленной критике и несмотря на это работы его оказывают большое влияние на современную американскую этнографическую науку. Останавливаясь на последней работе Уорнера «Американская жизнь: мечты и реальность» (1953), он отмечает, что в книге недостаточно охарактеризованы вопросы развития семьи, личности, классовых отношений, роли религии в американском городе.

4. Четвертую линию изучения современных народов Мандельбаум видит в исследовании национальных культур. В качестве образца такого исследования он рассматривает работу Р. Лоуи «К пониманию Германии» (1954), представляющую собою попытку выявления и объяснения особенностей немецкой национальной культуры. Мандельбаум высказывает сомнение по поводу целого ряда выводов и положений Лоуи, говоря, что они нуждаются в дальнейшем изучении и проверке, но приветствует заявление Лоуи, что при изучении культуры народа, например немцев, необходимо учитывать классовые, местные, исторические особенности.

Мандельбаум дает далее краткий обзор работ 1952—1954 гг., посвященных изучению народов Китая, Японии, Индии, Египта, Европы, Латинской Америки. Все эти исследования он считает началом большой и перспективной работы, заслуживающей внимания этнографов. Он подчеркивает необходимость разработки и уточнения сравнительного метода этих исследований, а также учета исследователями классовых различий в среде изучаемых народов. Правомерность такого рода исследований этнографов представляется Мандельбауму совершенно бесспорной.

Чрезвычайно симптоматично для современного этапа роста самосознания угнетенных народов выступление Эдуарда Дозьер, американского этнографа индейского происхождения. В «Ежегоднике» опубликована его статья «О терминах «примитивный» и «туземный» в антропологии», в которой он выступает с протестом против употребления в науке этих терминов. Он пишет, что они и ненаучны, и неуместны в современном обществе. Он справедливо замечает, что пробуждение миллионов некогда угнетенных колониальных народов Африки и Азии, рост их культуры и национального самосознания заставляют этнографов пересмотреть свою терминологию в отношении этих народов. Дозьер подчеркивает, что этот пересмотр не только вопрос этики, но и практики в современной международной обстановке. Он считает более подходящим термин «бесписьменный», предложенный в 1949 г. Херсковицем вместо термина «примитивный», принятый сейчас большинством американских этнографов.

Давая краткий обзор истории изучения так называемых примитивных народов, Дозьер отмечает заслуги Моргана, Тэйлора и особенно Боаса в том, что взгляд на «примитивные» народы как на народы «нижнего сорта» был разбит.

* * *

Этнографические работы, публикуемые за последние годы и отмеченные в «Ежегоднике», несомненно свидетельствуют о том, что огромные фактические материалы, накопленные о культуре различных племен и народов, и с другой стороны, коренные перемены в жизни народов,— толкают буржуазных этнографов к новым выводам,

³⁶ M. Mead and R. Metraux, The study of culture at a distance, Chicago, 1953.

³⁷ См. критику этих исследований в советской литературе: Б. И. Шаревская, Апология расизма в американской этнографии. «Сов. этнография», 1948, № 2.

обобщениям и объяснениям. Все еще боясь историзма даже в форме эволюционизма, они обращаются то к психологическим, то к биологическим детерминантам культуры. В этом лабиринте концепций и логических конструкций типа «ценностей», «функций», «детерминант», вопреки реакционным теориям ученых типа Р. Бендикт, М. Мид, Р. Линтона, К. Клюкхона и др., постепенно прокладывает свой путь истинная историческая наука о человеческом обществе. Начальные этапы ее прослеживаются в проникновениях, хотя и медленном, элементов историзма в этнографические исследования ряда буржуазных ученых, в постановке вопроса о прогрессе, о возврате к сравнительному методу. Значительным успехом можно считать преодоление многими американскими этнографами влияния психо-расизма во всех его разновидностях. Это вновь поставило перед этнографами вопрос о том, что же, если не психика, определяет развитие культуры? Ответа начали искать опять-таки «вне исторического контекста» — в понятии «ценности», но и оно остается пока что неопределенным и далеко не надежным критерием истины. Ближайшие годы покажут, куда приведут американских этнографов поиски истины о развитии общества, законы которого с предельной ясностью сформулированы в теории исторического материализма.

Сильное еще влияние идеалистических концепций и предубежденность против марксизма мешают буржуазным ученым в их поисках новых путей научных исследований. Несомненно, что те из них, которые честно и искренне отходят от старой методологии и защищают прогрессивное развитие науки, рано или поздно придут к единственному научному методу — диалектическому материализму. Возможно, что их путь будет напоминать путь, которым пришла к этому методу современная физика, чрезвычайно метко охарактеризованный в свое время В. И. Лениным, писавшим, что современная физика пришла к диалектическому методу «не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом»³⁸.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Народы Сибири. Под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, 1084 стр.

В историко-этнографической литературе о Сибири не было таких капитальных изданий, каким является рецензируемый том «Народы Сибири». В этом коллективном труде систематизирован и обобщен огромный материал. Достаточно указать на то, что этот том содержит очерки по этнографии тридцати одного народа Сибири и Дальнего Востока, очерк этнографии русского населения Сибири и ряд статей общего характера.

Со времени выхода в свет известного труда И.-Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», третья часть которого посвящена народам Сибири, прошло уже более полутора столетия. В продолжение XIX и в начале XX в. появились ценные монографические описания отдельных народов Сибири. В них значительно подробнее, чем у Георги, и по-новому освещаются многие вопросы материальной и духовной культуры этих народов, выявлено и описано много новых фактов, характеризующих их материальное производство, семейный и общественный быт, идеологию. Значительно больший размах и глубину получило изучение прошлого народов Сибири, а также их современного быта и культуры.

Коллектив авторов рецензируемой книги поставил перед собой задачу создать сводный, обобщающий труд, «который подвел бы итоги сделанному и ознакомил бы читателя с этими народами» (стр. 5).

Научное значение этого труда нельзя ограничить рамками сибиреведения. Том «Народы Сибири» входит в большое серийное академическое издание «Народы мира», представляющее собой первую и единственную в мировой этнографической литературе попытку дать сводную и обобщенную характеристику культуры и быта народов земного шара с позиций марксизма. В томе «Народы Сибири» эта задача решается на материале народностей, живущих в условиях советского государственного строя, строящих социалистическое общество. Это придает книге выдающееся международное научное и политическое значение, так как в ней показан опыт грандиозного переустройства жизни народов, в прошлом наиболее отсталых. Здесь особенно ярко выступает ведущая роль Коммунистической партии и ее национальной политики в огромной созидательной работе по развитию экономики, культуры и быта этих народов. Коренные изменения, происходящие в жизни народов Сибири в результате их социалистического раз-

³⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 299.